

ИЗ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

С.В. Пронкин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАМЕРНИЯ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА В 1730 г.

Статья посвящена «Кондициям» и другим актам, составленным Верховным тайным советом в 1730 г., подводятся итоги их изучения в отечественной исторической науке. Главное внимание обращено на политико-юридическое содержание данных актов.

Ключевые слова. Верховный тайный совет, «Кондиции», 1730 г., императрица Анна Иоанновна, система государственного управления Российской империи в 1725–1730 гг.

The article is devoted to the «Conditions» and another Supreme Privy council's acts in 1730. The author makes some conclusion about studying of this problem in historiography and pays attention to the political and legal problems of these acts.

Key words. Supreme Privy Council, «Conditions», 1730 year, Empress Anna Ivanovna, state system of the Russian empire in 1725–1730.

События 1730 г., когда Верховный тайный совет (ВТС) попытался решительно ограничить власть приглашенной им на престол курляндской герцогини Анны Иоанновны, — одно из известнейших событий политической истории России. Но политико-юридическое содержание составленных им ограничительных условий (в различных своих редакциях они именовались «Кондициями» или «Пунктами») и других, возникших в недрах ВТС политических проектов, долгое время не привлекало значительного исследовательского интереса. События 1730 г. представлялись изолированным явлением, которое не совпадало с вектором развития российской государственности. Одновременно они казались достаточно архаичными для тех, кто позже искал актуальные формы воплощения в России конституционных идей. В правовом отношении «Кондиции» были, с одной стороны, достаточно ясными, с другой — примитивными. Представлялось, что несколько лаконичных пунктов, содержавших самые элементарные требования, не могли стать основой широкой научной дискуссии. Тем не менее полная ясность в отношении «Пунктов» и особенно протя-

---

Пronkin Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: pronkinsv@mail.ru

нувшегося за ними «шлейфа» документов отсутствовала. Постепенно выяснилось, что их простота являлась мнимой. Точнее, именно эта «простота», отрывочность, неразработанность, частичная анонимность поставили перед исследователями сложные познавательные проблемы. Таковыми были:

- общая характеристика «Кондитор», поиск их политических и юридических источников;
- идентификация других документов ВТС;
- выяснение последовательности появления данных документов, что позволило бы уточнить политические намерения Совета.

«Кондитор». Первые историки событий 1730 г. находились под сильным влиянием концепции архиепископа Феофана Прокоповича, который язвительно назвал действия ВТС олигархической «затейкой», предпринятой для достижения собственных интересов «верховных господ». Этой версии во второй половине XIX — начале XX в. продолжали придерживаться представители «критической» историографии. В своем большинстве они были сторонниками консервативных или, напротив, демократических взглядов. По разным причинам они были едины в скептическом отношении к намерениям верховников. Историки-критики, с одной стороны, подчеркивали олигархический характер намерений Совета, с другой — плохую техническую проработанность его политических проектов, что якобы подтверждало их случайный, недостаточно серьезный характер.

По мнению С.М. Соловьева, ограничение власти императрицы Анны являлось олигархической затеей, целью которой было приданье «вельможству самостоятельного значения, при котором оно могло бы не обращать внимания на фаворитов»¹. Против наметившейся тенденции отрицать за намерениями верховников олигархический характер решительно выступил Н.П. Загоскин². Безоговорочно олигархическим документом считал «Пункты» и А.В. Романович-Славатинский³. Иные основания для критики были у А.С. Алексеева, который стремился разделить деятельность ВТС до и после смерти Петра II. В первый период Совет являлся «нормальным» и эффективным государственным учреждением, мнение об олигархических намерениях которого автор посчитал легендарным. Напротив, действия верховников в 1730 г. действительно носили олигархический характер, который Алексеев резко осудил⁴. Для него «Пункты» и обращение верховников к курляндской

¹ Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 10. М., 1999. С. 228.

² См.: Загоскин Н.П. Верховники и шляхетство 1730-го года. СПб., 1881. С. 14.

³ См.: Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч.1. Киев, 1886. С. 65.

⁴ См.: Алексеев А.С. Легенда об олигархических тенденциях ВТС в царствовании Екатерины I. М., 1896; Он же. Сильные персоны в ВТС Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898.

герцогине были документами, представлявшими собой «смесь лжи и обмана». «Нужно удивляться только тем из наших историков, которые пытаются обелить зачинщиков этого темного дела и выставить их людьми с возвышенным образом мыслей, с идеяными стремлениями и высокими целями», — писал Алексеев⁵. Но сами «Кондиции» содержательно были оценены им высоко. Их происхождение он связывал не со шведским влиянием, как модно стало полагать, а с отечественной действительностью. Как и С.М. Соловьев, А.С. Алексеев усмотрел в них стремление не допустить появления новых фаворитов, которые пагубно влияли на ход государственных дел в предшествующие царствования. Фавориты мало вмешивались во внутреннюю политику, которую не знали и не любили. Но они выманивали деньги у иностранных дворов, произвольно замещали должности, раздавали чины, расправлялись с неугодными. Всему этому должен быть положен конец.

Другие тяготевшие к критическому направлению историографии авторы высказывались более осторожно. Не считая «Кондиций» технически хорошо проработанным документом, они уклонялись от тех категорических заявлений, которые были характерны для А.С. Алексеева. С.Ф. Платонов, сочувственно цитируя С.М. Соловьева, указывал на главный вопрос, возникавший при чтении «Кондиций». «Все гарантии для восьми, но где гарантии от них?»⁶. ««Пункты», — продолжал в том же духе В.И. Сергеевич, — написаны крайне поспешно, не обдуманно и исключительно в пользу ВТС»⁷. Оценивая их содержание, автор полагал, что в некоторых вопросах они шли очень далеко, стесняя семейное положение императрицы и фактически устранивая ее от участия в делах управления, но одновременно совершенно обходили вопрос о порядке законодательства.

Представители конкурирующего (позитивного) направления в исторической науке, обычно придерживавшиеся либеральных политических взглядов, стремились оправдать действия верховников, приписывая им широкие политические планы. П.Н. Милюков признавал, что проект ограничения самодержавия составился только в голове Д.М. Голицына, но, настаивал известный ученый и общественный деятель, несмотря на срочное составление «Пунктов», их содержание было давно и хорошо обдумано князем. Ссылаясь на исследования Д.А. Корсакова и особенно шведского историка Г. Иерне, он указал на сходство «Кондиций» с конституционными документами Швеции, покончившими в 1720 г. со шведским вариантом абсолютизма. Самое беглое сравнение, по мнению Милюкова, показывало, что ВТС выбрал из шведских установлений только то, что определяло участие Государ-

⁵ Алексеев А.С. Сильные персоны в ВТС... С.92.

⁶ См.: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 550.

⁷ Сергеевич В.И. Лекции по истории русского права. СПБ., 1890. С. 304.

ственного совета Швеции (аналога ВТС) в верховной власти. Роль же риксдага, т.е. собрания сословий, была им проигнорирована. Главный пробел документа, соглашался автор с «критиками», — вопрос о конституционных гарантиях и об организации законодательной власти⁸.

Еще более ярко и бескомпромиссно сформулировал позитивно-либеральный взгляд на «Кондиции» В.Я. Уланов. Излагая события исторической ночи смерти императора Петра II, он подчеркивал продуманность действий Д.М. Голицына. «В то время, когда одни “дрожали” от страха перед определенными решениями, другие неуверенно предлагали свои кандидатуры, третья сомневались в своих способностях довести дело до конца, четвертые вовсе уклонялись от опасной чести вершить судьбы русской короны... один только голос зазвучал уверенno и убежденno»⁹. Чтобы дважды (в вопросах о кандидатуре Анны Иоанновны и об условиях приглашения ее на трон Российской империи) в течение одной ночи объединить собрание с различными фамильными и личными интересами, заставить его поддержать неожиданный и рискованный проект, для этого, как полагал Уланов, нужно было явиться в собрание с вполне разработанным планом действий, с продуманными речами и с всесторонне взвешенными интересами и переживаниями своих товарищей. Оценивая собственно «Кондиции», он, как и Милюков, посчитал их сколком со шведских государственных актов 1720 г. в той их части, где они касались роли Государственного совета в осуществлении верховной власти.

Так как «Кондиции» обязывали императрицу решать все важные государственные вопросы совместно с «восьмичленным» ВТС, представлялось затруднительным очистить верховников от подозрений в намерении монополизировать власть. Поэтому симпатизировавшие им историки подчеркивали, что «Пункты» являлись только «программой-минимум» Совета, за которой должна была последовать и программа-максимум. По мнению М.К. Любавского, Д.М. Голицын первоначально выдвинул только часть своего плана по практическим соображениям. Необходимо было поскорее закрепить исходные положения ограничения самодержавия, согласие же Анны Иоанновны на представленные ей «Пункты» должно было привести к дальнейшим реформам¹⁰. Представление о «Кондициях» как об основе дальнейшей политической реформы было близко В.Н. Латкину. «Названные “Пункты”, — полагал он, — имели характер прелиминарных условий, т.к. на их основе должен был быть выработан целый план государственного устройства»¹¹. Против попыток оценивать планы ВТС только на осно-

⁸ См.: Милюков П.Н. Верховники и шляхетство. Ростов-на-Дону, 1905. С. 33.

⁹ Три века. Россия от Смуты до нашего времени: В 6 т. Т. 3. М., 1992. С. 353.

¹⁰ Любавский М.К. Русская история XVII—XVIII вв. СПб., 2002. С. 305.

¹¹ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.) СПб., 1899. С. 221.

вании «Кондиций» выступал Н.И. Лазаревский, также признававший заметное влияние на «затейщиков» шведского опыта¹². Он полагал, что в случае успеха их замысла Россия бы превратилась в типичную для Европы XVII — начала XVIII в. сословную монархию.

В вопросе о политических и юридических источниках «Кондиций» компромиссным представляется мнение А.Н. Филиппова. Констатировав существующие между исследователями разногласия относительно характера «Пунктов», он считал более справедливым мнение об их олигархической подоплеке. Однако автор уточнил, что заключает это, основываясь только на их тексте, так как о дальнейших планах Совета можно было только гадать¹³. Известный правовед не отрицал влияния шведского государственного строя на политические взгляды Д.М. Голицына, но полагал, что сама деятельность ВТС в предшествующий период была такова, что прямо наводила Совет на мысль о необходимости закрепить за собою юридически то, что уже принадлежало ему фактически. «На наш взгляд, — писал Филиппов, — шведский образец потому и пригодился для верховников, что в нем кратко и точно было кодифицировано почти все то, чем уже владел Совет задолго до призыва Анны на престол»¹⁴.

Первые представители советской историографии в оценке политico-юридического смысла «Пунктов» не были оригинальны, шли в русле идей дореволюционных историков. Новизна заключалась в большем, чем это было принято ранее, подчеркивании классового характера «Пунктов». Впрочем, московские события 1730 г. не стали в 20-х — начале 50-х гг. прошлого века предметом специального научного изучения¹⁵. Маститые же авторы общих работ по отечественной истории воспроизводили мнения Д.А. Корсакова, П.Н. Милюкова и прочих дореволюционных авторитетов. В 20-е гг. это делалось открыто, в работах М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова содержались прямые ссылки на их труды. В 30—40 гг. подобный «плагиат» стал политически невозможным, но дореволюционные оценки продолжали фактически господствовать в советской учебной и научно-популярной литературе.

Порвал с ними как основанными на серьезных методологических и фактических ошибках Г.А. Протасов¹⁶. К подобным ошибкам он отнес

¹² См.: *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1913. С. 172.

¹³ См.: *Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев, 1914. С. 616—617.

¹⁴ История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 1. СПб., 1911. С.481.

¹⁵ Исключением стала статья Д.А.Жаринова, но проблема политico-юридического содержания «Кондиций» в ней затронута не была. См.: *Жаринов Д.А.* Шляхетское представительство в конституционных проектах 1730 г. // Труды Белорусского государственного университета. 1922. № 2—3. С. 73—96.

¹⁶ *Протасов Г.А.* «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Тамбовский государственный педагогический институт. Ученые записки. Вып. XV. Тамбов, 1957. С. 215—216.

мнение П.Н. Милюкова о шведских корнях ограничительных «Пунктов». Некоторое сходство между ними и конституционными актами Швеции, по мнению Протасова, являлось следствием близости функций верховной власти общих и для России, и для Швеции. Сами же «Кондиции» составлялись спешно и независимо от каких-либо образцов, что подтверждалось существованием их нескольких последовательных редакций. Редакции эти отличались не в существе решаемого вопроса (ограничение самодержавия), а в расширении необходимых для этого гарантий. Обстоятельства составления «Кондиций», полагал Протасов, не должны заслонять их программного значения, которое определялось не корыстными расчетами верховников, а сложным внутренним и международным положением России. После смерти Петра I государство управлялось беспорядочно, господствовал фаворитизм, чemu стремился положить конец ВТС. На эти принципиальные соображения «благомыслящих людей» накладывались сословные интересы возвышавшегося дворянства, которые дополнительно преломлялись через интересы старой знати, во главе которой стояли Голицыны и Долгорукие¹⁷.

Исследования Г.А. Протасова не произвели того влияния на дальнейшее развитие советской историографии, которого, казалось, заслуживали. Конечно, некоторые выводы автора слишком резко порывали с традиционными представлениями о «Кондициях», но, думается, слабая реакция на них представителей исторической науки объяснялась более прозаически: они были опубликованы преимущественно в малотиражном провинциальном издании. Но и те историки, которые ознакомились с концепцией Г.А. Протасова, не спешили согласиться со всеми ее элементами. Так, А.Г. Кузьмин традиционно связал составление «Кондиций» с недавним политическим опытом Швеции¹⁸. Именно он, полагал автор, помог верховникам в сжатые сроки предложить некоторые важные установления, но дело заключалось не в простом заимствовании, а в сходстве судеб двух стран, исторической закономерности возникновения сословного представительства.

Работа Протасова имела еще один эффект — она способствовала большей дифференциации советской историографии на критическое и позитивное направления. Данная дифференциация стала еще более заметной в современной историографии. Ее первое направление представляет А.Н. Медушевский. Не очень многословный в анализе содержания «Пунктов», он признает их историческое значение как «первой юридически оформленной и довольно решительной попытки ограничения самодержавия в русской истории», но политико-юридически оценивает их довольно низко¹⁹. Их содержание свидетельствовало о крайней узости социальной опоры данного предприятия, лишь один

¹⁷ См.: Протасов Г.А. Указ. соч. С. 224–225.

¹⁸ Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1981. С. 143.

¹⁹ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм. М., 1997. С. 285.

пункт «Кондиций» предусматривал привилегии дворянства в целом, но и он не содержал никаких обеспечительных гарантий. Все остальное, считает Медушевский, сводилось к передаче власти небольшой кучке олигархов. Не менее резок в своих оценках Е.В. Анисимов, в его рассуждениях чувствуются отзвуки риторики А.С. Алексеева²⁰.

Позитивное направление в современной историографии представляют С.А. Седов, который в анализе содержания «Кондиций» во многом пошел по пути воспроизведения взглядов дореволюционной либеральной историографии. В отличие от Г.А. Протасова, он считает продуктивным сравнение «Кондиций» и конституционных актов Швеции, обнаруживает между ними и сходство, и различия. Главное из отличий — «Кондиции» не предусматривали участие дворянства в государственном управлении, но, полагал автор, Д.М. Голицын не собирался останавливаться на этом и быстро дополнил ограничительный проект²¹. Другой представитель данного направления, А.Н. Сахаров, не отрицает права на существование за представлением о «Пунктах», как о результате «затейки» небольшой группы аристократов, стремившихся противопоставить олигархическую стабильность нестабильности петровского времени. «Формально это правильно, — пишет Сахаров. — Но подобный подход рассматривает события 1730 г. вне общего цивилизационного развития России. В реальности же небрежно оцененная и бесконечно осуждаемая в историографии «затейка» верховников оборачивается совсем иным историческим значением», речь в «Кондициях» шла о реформировании политической системы России, смене ее исторической парадигмы, причем, полагает автор, современники это вполне сознавали²². Для него события 1730 г. — уникальная и выдающаяся в отечественной истории попытка цивилизационного прорыва.

Как мы видим, большинство современных исследователей является своеобразными ретрансляторами предшествующих оценок, по-новому комбинируя и аргументируя их. Исключением является А.Б. Плотников, который продолжил археографический анализ «Кондиций», начатый ранее Г.А. Протасовым. Автор посчитал уже первую их редакцию хорошо продуманной и по содержанию, и по структуре: сначала был определен статус Совета как постоянного учреждения из восьми человек, затем в общих чертах обозначена его компетенция и, наконец, — способ формирования. Автор предположил, что последним должен был заниматься сам ВТС, к компетенции которого было отнесено назначение «к знатным делам». К «знатным делам», полагает Плотников, естественно, относилось членство в ВТС. Следующая групп-

²⁰ См.: Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2004. С. 24.

²¹ Седов С.А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 53.

²² Сахаров А.Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М., 2000. С. 36–37.

па «Пунктов», запрещавшая Анне Иоанновне самостоятельно налагать на шляхетство тяжкие наказания, распоряжаться государственным имуществом и казнью, также передавала в руки ВТС вопросы, которые он уже контролировал. Наконец, последняя группа требований должна была предотвратить возможность реставрации (запрет самостоятельно выходить замуж, назначать наследника, контроль ВТС над вооруженными силами, включая гвардию, угроза лишения престола в случае нарушения «Кондитий»). Исследователь считает их появление закономерным результатом эволюции Совета как учреждения.

Документы ВТС. Как мы видели, дискуссия, за редким исключением, идет не по поводу правового содержания ограничительных «Пунктов», а вокруг более широкого вопроса об историко-политическом значении выступления ВТС, юридическим основанием которого стал данный документ. Была ли это олигархическая «затейка» или нечто большее? Ответ на поставленный вопрос невозможно дать без изучения других связанных с «Кондитиями» документов. Из-за анонимности части из них историки должны были решить вопрос об их происхождении: вышли они из недр Совета или, напротив, из оппозиционных ему групп?

Д.А. Корсакову дальнейшие, после составления «Пунктов», действия верховников виделись в следующем порядке²³. После приезда в Москву Анны Ивановны они активизировали попытки сближения с возникшей оппозицией. Знаком данного компромисса стало появление проекта «Пунктов присяги» императрице, где, в частности, подчеркивалось, что ВТС состоит не для своего собственного интереса, а для пользы государства, что не персоны управляют законами, а законы персонами. Также объявлялось, что состав верховников будет пополняться совместно ВТС и Сенатом и аprobироваться монархом, в его составе не должно быть иностранцев и более двух членов от одной фамилии, а важные вопросы Совет будет обсуждать совместно с Сенатом, генералитетом, чинами коллегий и знатным дворянством. Но эта декларация, полагал Корсаков, была запоздалой уступкой, поэтому князь В.Л. Долгорукий выступил за новые компромиссы, близкие к мерам, предложенным вanonимной записке под названием «Способы, которыми, как видится, порядочнее, основательнее и тверже можно сочинить и утвердить известное толь важное и полезное всему народу и государству дело» (далее — «Способы»)²⁴. Итак, Корсаков связывал с ВТС только два документа — «Пункты присяги» и записку В.Л. Долгорукого. Последующие исследователи шли в русле данной концепции, усиливая или ослабляя ее отдельные элементы. Они признавали готовность ВТС к известному компромиссу со шляхетской оппозицией, однако считали эти действия или изначально недостаточными, или не

²³ См.: Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.

²⁴ Записка предлагала передать дело разработки реформы выбранной шляхетством комиссии.

получившими своевременную огласку, поэтому не вызвавшими благоприятного для «затейщиков» политического эффекта²⁵.

По-новому взглянул на атрибуцию части проектов, время их появления и политические намерения ВТС Г.А. Протасов. Основываясь на детальном анализе документов Совета, Протасов определяет следующий порядок их появления. Первоначально «Кондиции» были дополнены «К прежде учиненному определению пополнением», где предусматривались сословные льготы дворянству и купечеству. Дальше этого, по мнению Протасова, первоначальные планы верховников не шли. Но возникшая дворянская оппозиция и перспектива прибытия в Москву Анны Иоанновны привели к составлению «Пунктов присяги» — наиболее обширного и проработанного проекта того времени. Технически он состоял из двух частей. Первая, меньшая по размеру, но важнейшая — «Кондиции» и рассказ об обстоятельствах избрания на престол Анны Иоанновны. Вторая — большая — составлена как бы в развитие «Кондиций» и заключалась в обязательствах подданных в ответ на проявленную монархом милость. Протасов нашел объяснение сложной структуре документа. Деление «Пунктов присяги» на две части, по мнению автора, было вызвано стремлением ВТС найти юридически корректную форму уступок оппозиции. В качестве акта, формально исходившего от Анны Иоанновны, «Кондиции» не подлежали изменению, но они не удовлетворяли оппозицию. Поэтому и нашли выход — подписанный курляндской герцогиней акт оставался неизменным, но был развит в дополнениях к нему. Исследовав документ, отметив его полноту и логическую законченность, автор указал, что утвердившееся в историографии его название («Пункты присяги») не соответствует характеру акта, которому более подходит наименование «Проекта формы правления». Одновременно Протасов поставил принципиально важный вопрос: до или после оппозиционных проектов появился «Проект»? Ранее историки были убеждены, что он появился в ответ на записки шляхетства. Протасов категорически не согласился с данными выводами²⁶. На самом деле, полагал он, «Проект формы правления» был составлен до появления дворянских проектов, предшествовал им. Протасов привел убедительные доказательства в пользу своей версии: отсутствие в «Проекте» текстуальных заимствований из шляхетских проектов, следы попыток переработать его после появления последних. Да и в самом реестре документов ВТС указывалось, что он был составлен после получения подписанных Анной Иоанновной «Кондиций».

²⁵ См.: Богословский М.М. Конституционное движение 1730 г. Пг., 1918. С. 26; Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 книгах. Кн. 3. М., 1993. С. 128–129; Милков П.Н. Верховники и шляхетство. С. 55; Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны. Ч. 1. М., 1909. С. 29.

²⁶ Протасов Г.А. Кондиции 1730 г. и их продолжение // Ученые записки ТПИ. Вып. 15. Тамбов, 1957. С. 75.

Какова же, по мнению Протасова, была действительная реакция верховников на появившиеся проекты дворянства? Они попытались переработать «Проект формы правления», приняв компромиссное положение об увеличении численности ВТС до 12 членов и согласившись с избранием новых членов. Возможно, на этом хотели остановиться, но затем последовали другие уступки в отношении численности и способа формирования Совета и Сената, новые дополнения «Проекта формы правления». Между тем прибыла Анна Иоанновна, что укрепило оппозиционные настроения. ВТС знал об этом, отказался от начатой переделки «Проекта формы правления» и занялся поисками иного решения задачи, более отвечающего интересам дела и объединения дворянства. Именно так появились хорошо известные исследователям «Способы», которые до этого связывались с оппозицией, признавались последним в ряду дворянских проектов. Протасов же привел весомые доказательства того, что «Способы» были документом ВТС. К ним относились несоответствие его формы установленному ВТС порядку подачи проектов, отсутствие сведений о нем у современников, хорошо информированных об основных оппозиционных проектах, отсутствие характерных для последних подписей, нахождение в бумагах ВТС и написание рукой, которой написаны и некоторые другие документы Совета²⁷. Наконец, предположил Протасов, В.Л. Долгорукий, предлагая в своей записке дальнейшие уступки оппозиции, отталкивался именно от этого документа. «Способы» вырабатывали не форму правления, а способ ее выработки, механизм создания «безопасного правления». Последним документом ВТС автор посчитал записку В.Л. Долгорукого, который предложил придать гласности намерения ВТС. Это было важно, так как трения между верховниками и шляхетством в значительной степени основывались на недоразумении, неосведомленности оппозиции относительно действительных планов ВТС, которые держались в секрете. «И получалось, что ВТС принимал одно предложение оппозиции за другим, предвосхищал иные из ее требований в своих наметках, решился, наконец, передать ей (на определенных условиях) разработку формы правления... а она не знала ничего об этом и судила о его намерениях по “Кондициям”, т.е. в наименее благоприятном для него смысле», — писал Протасов²⁸. Эта картина резко отличалась от ранее принятой в исторической литературе, заставляла пересмотреть сложившееся представление о политических планах ВТС.

Выводы Протасова оказали громадное влияние на развитие историографии, историки стали смотреть на действия ВТС уже в рамках этой концепции, но не просто повторяя ее, а воспроизводя с долей критики. Так, А.Г. Кузмин признал преувеличенным то значение, которое придавалось в историографии «Кондициям», посчитав их не

²⁷ С последним не согласен А.Б. Плотников.

²⁸ Протасов Г.А. Кондиции 1730 г. и их продолжение. С. 101.

самым важным из документов ВТС, который политически компрометировал верховников, позволял обвинять их в олигархических намерениях. Именно этот документ должен был вызвать беспокойство у значительной части дворянства. С «Кондициями», констатировал Кузьмин, верховники обратились к Анне Иоанновне, к дворянскому же «всеноародию» они собирались выйти с «Проектом формы правления». Автор не только использовал предложенное Протасовым наименование документа («Проект формы правления», а не «Пункты присяги»), но и согласился с ним в оценке «Способов», признав их документом ВТС²⁹. С последним не согласился А.И. Юхт, который настаивал на традиционной точке зрения, согласно которой «Способы» вышли из оппозиционных кругов³⁰. По мнению Юхта, Протасов при атрибуции документа исходил в основном из его внешних признаков, а не из существа. Если же обратиться к содержанию документа, полагал исследователь, то станет вполне очевидным, что он не мог принадлежать ВТС. Во-первых, название документа звучит претенциозно, так писала оппозиция, а не Совет. Во-вторых, речь в нем ведется от шляхетства, а не ВТС. В-третьих, документ признавал руководящую роль дворянства в подготовке реформы, что вряд ли могло входить в намерения Тайного Совета. Но Юхт не смог указать авторов «Способов», без обнаружения новых документов, писал он, эту проблему решить нельзя.

Напротив, А.Б. Плотников не только поддержал выводы Г.А. Протасова, но и дополнил их. Он также считает «Способы» документом Совета, но хронологически ставит его на иное место. По Протасову, документ был последним словом верховников, поэтому датировался примерно серединой февраля. Плотников же считает, что «Способы» составлялись в одно время с «К прежде учиненному определению пополнением», то есть до получения сообщения о подписании Анной «Кондиторий». Автор увидел логическую взаимосвязь между данными документами. «Пополнения» очерчивали задачи в области сословной политики, а «Способы» намечали пути ее реализации. Получается, «Способы» были не «поздним», а «ранним» документом ВТС, что заставляет совершенно иначе смотреть на его начальные политические намерения. Автор аргументирует свою версию тем, что с 30 января Совет работал только над проектом своей «конституции», то есть «Проектом формы правления» (Пункты присяги), и вряд ли, хотя бы в силу процессуальной сложности, стал заниматься разработкой другого плана, осуществление которого не стояло в ближайшей повестке дня³¹. Сами «Способы» автор не считает чем-то необычным для ВТС, напро-

²⁹ Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1981. С. 147. *Он же.* Первые попытки ограничения самодержавия в России // Советское государство и право. 1980. № 7. С. 88.

³⁰ Юхт А.И. Государственная деятельность Татищева. М., 1985. С. 274.

³¹ См.: Плотников А.Б. Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году (итоги источниковедческого изучения) // Отечественная история. 2008. №. 6, С. 122.

тив, видит связь между ними и кодификационной работой Совета во второй половине 20-х гг., когда неоднократно предпринимались попытки привлечь к данной работе выборных представителей населения, преимущественно дворянства.

«План Д.М. Голицына». Отдельной составляющей проблемы политических намерений ВТС является вопрос о существовании т.н. «плана князя Д.М. Голицына», который якобы заключал программу более широкой политической реформы, чем предусмотренная в «Кондициях». Сам «план» не был обнаружен в архивах, но косвенная информация о его существовании содержалась в сообщениях ряда иностранных дипломатов³². Мнение о существовании данного проекта было поддержано в первую очередь теми историками, которые стремились в какой-то мере очистить ВТС от обвинений в олигархических устремлениях³³.

Наиболее подробно на «плане Д.М. Голицына» остановился П.Н. Милюков, который посчитал его не сепаратным выступлением этого государственного деятеля, но делом всего Совета. Ссылаясь на сведения шведского исследователя Г. Иерне, Милюков обнаружил в нем заимствования из предшествовавшего политического опыта Швеции, проектировавшиеся сословные палаты якобы походили на ее государственные учреждения середины — второй половины XVII в. Отличие заключалось в том, что Голицын предполагал обойтись без участия духовенства, которое он не любил, и крестьянства, которые были крепостными. В целом же, писал Милюков, проект «не только не имел своекорыстно-личного характера, но не имел даже и своекорыстно-сословного. На всем проекте лежал отпечаток теоретизирующей и идеализирующей политической мысли»³⁴.

Существование «плана» признали и историки-скептики, но они отнеслись к намерениям Д.М. Голицына с меньшим доверием. «План был в чисто боярском духе и не мог нравиться всему шляхетству, в среде которого числились и «худородные»», — писал Н.И. Костомаров³⁵.

³² Например, в депеше от 13 февраля 1730 г. французский дипломат Маньян сообщал, что в намерения Д.М. Голицына входило: «1. Замкнуть всю власть царицы в пределах ее дворца, а всю высшую власть препоручить собранию Верховного совета, состоящего из десяти человек, кои одни только будут распоряжаться должностями и войсками. 2. Помимо этого совета образовать три других собрания, а именно Сенат, состоящий из тридцати шести членов, дворянскую палату из двухсот лиц и, наконец, третью палату, в которую войдут по два депутата от каждого города». Цит. по: Тургенев Н.А. Россия и русские. М., 2001. С. 574.

³³ См.: Дитятин И.И. Верховная власть в России XVIII столетия // Статьи по истории русского права. СПб., 1896. С. 600; Карнович Е.П. Замыслы верховников // Отечественные записки. 1872. № 3. С. 489; Корсаков Д.А. Восшарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 106; Осокин Н. Полтораста лет назад. СПб., 1881. С. 16.

³⁴ Милюков П.Н. Верховники и шляхетство. С. 22.

³⁵ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2 книгах. Кн. 2. М., 1994. С. 639–640.

Известный историк также усмотрел в нем зарубежное влияние, но не шведское, а польское, которое Д.М. Голицын испытал как многолетний киевский губернатор. «В его проекте ощутительно влияние той современной ему Речи Посполитой, где величались свободою и шляхетским равенством и где, однако, в сущности равенства не было: управляли знатные роды, а громады шляхетства состояли из покорных слуг и исполнителей их затей». Невысоко оценивал замысел Д.М. Голицына и В.О. Ключевский: «Итак, знатнейшие фамилии правят, а шляхетские представители наравне с купеческими обороняются и оборошают народ от этого правления»³⁶.

Но наиболее резким критиком личности и деятельности Д.М. Голицына выступил А.С. Алексеев, который признал его «план» мнимым, «компиляцией, составленной из различных донесений иностранных послов, которые, каждый по-своему, сообщали различные ходившие по Москве слухи о затеянном князем Голицыным перевороте»³⁷. Нельзя сказать, что эта порывавшая со сложившейся традицией версия заметно повлияла на историографию. Возможно, свою роль сыграл полемический задор Алексеева, который слишком увлекся в стремлении принизить личность Голицына, представить его заурядным политическим честолюбцем. В результате среди дореволюционных исследователей сторонников у него не нашлось. Прямо не вступая в полемику с А.С. Алексеевым, М.М. Богословский объяснил отсутствие в протоколах ВТС сведений о «плане» особо тайным характером его рассмотрения, следы которого скрывались за заметками об имевших место секретных разговорах и совещаниях³⁸.

Советские историки длительное время не отрицали существования «плана Д.М. Голицына», но придерживались той версии политического поведения лидера ВТС, которая соответствовала критической линии историографии. М.Н. Покровский считал, что Голицын изначально не собирался идти дальше «Кондиций», но, столкнувшись с мощной оппозицией, решился на почетную капитуляцию, попытавшись отделаться от дворянства конституцией. «Принимая во внимание средний политический уровень тогдашних дворян, — предполагал Покровский, — здесь было не без демагогии, конечно: возможно, что Голицын даже сознательно рассчитывал иметь в шляхетских низах послушную «голосующую скотину», которую в критическую минуту можно направить против настоящего конкурента верховников — генералитета»³⁹.

³⁶ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 книгах. Кн.3. М., 1993. С. 128–129.

³⁷ Алексеев А.С. Сильные персоны в Верховном тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898. С. 148.

³⁸ См.: Богословский М.М. Конституционное движение 1730 г. Пг., 1918. С. 10.

³⁹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 1. М., 1966. С. 644.

Идея расширений Совета до 12 человек и Сената до 36 должна была удовлетворить влиятельных лидеров оппозиции из генералитета, а две сословные палаты — служить им противовесом. Не согласился с мнением А.С. Алексеева и Н.А. Рожков, — после 2 февраля, когда «Кондиции» были официально оглашены, «смутные слухи» о них уже не могли иметь место, а иностранцы сообщали о «плане» и 7, и 17 февраля. В самом замысле Голицына Рожков усматривал те же мотивы, что и Покровский — из-за крушения первоначального олигархического замысла решено было предложить конституционный проект, способный заинтересовать широкую дворянскую массу⁴⁰.

На позиции признания существования «плана Д.М. Голицына» советская историография стояла до 70-х гг. Возмутителем спокойствия и в данном случае оказался Г.А. Протасов, который вернулся к версии А.С. Алексеева. Главный аргумент Протасова — отсутствие сведений о «плане» у других иностранных дипломатов, кроме Маньяна, Рондо и де Лириа, а также у оппозиционных кругов, например у В.Н. Татищева. Три сообщившие о нем дипломата, пытаясь воспроизвести происхождение «легенды» исследователь, представляли страны, между которыми в то время существовали союзнические отношения, что предполагало доверительные отношения между ними, частые встречи, обмен информацией. Протасов предположил, что главным ее источником был де Лириа, который в своих донесениях наиболее подробно пересказал «Кондиции» и шляхетские проекты. Именно на этой узкой базе и возникла версия о существовании проекта, ее основанием стали слухи, возникшие в начале событий, когда ВТС хранил молчание о своих замыслах, что провоцировало домыслы в дворянско-чиновной среде, с которой соприкасались вышеназванные дипломаты⁴¹.

Рассуждения Протасова убедили далеко не всех исследователей. На существование у Д.М. Голицына смелого, основанного на шведском опыте и русской земской практике политического проекта, предполагавшего значительное возрастание роли третьего сословия, указывал Г.А. Кузьмин. Именно из-за его явного несоответствия интересам дворянства, полагал автор, он и не был вынесен на обсуждение ВТС, но в какой-то мере повлиял на содержание «Проекта формы правления»⁴². Концепцию П.Н. Милюкова поддержал в этом вопросе и Е.В. Анисимов⁴³.

Подведем некоторые итоги изучения политико-юридических документов 1730 г. Важнейший из них, «Кондиции», несомненно,

⁴⁰ Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Издание 2. Т. 7. Старый порядок (господство дворянства). Л.; М., 1928. С. 90.

⁴¹ Протасов Г.А. Существовал ли «политический план» Д.М. Голицына? // Источниковедческие работы. Вып. 3. Тамбов, 1973. С. 107.

⁴² Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1981. С. 147.

⁴³ Анисимов Е.В. Россия без Петра. С. 249.

являлся для своего времени конституционным актом. Некоторые исследователи указывают на его несоответствие современным конституционным формам, но их первые современные образцы возникли только в конце XVIII в.

Вопрос о степени влияния на составителей «Пунктов» зарубежного опыта является открытым, полностью отрицать его нельзя. Ближайшими европейскими соседями России являлись Речь Посполитая и Швеция. Государственный строй Польши, которая пришла в очевидный упадок, вряд ли мог быть привлекательным, он скорее предостерегал. Напротив, Швеция, военно-политический упадок которой только обозначился, сохраняла позитивную репутацию, ее государственные учреждения внимательно изучал при подготовке своих административных реформ Петр I. «Кондиции» составлялись в спешке, однако их нельзя считать случайным экспромтом. Не существовал заранее заготовленный их текст, но они отражали определенную и заранее обдуманную политическую программу, сложившуюся у Д.М. Голицына. Не были чужды ей и другие верховники (В.Л. Долгорукий), многие представители дворянско-чиновной элиты, которые в 1730 г. выступили не против факта ограничения самодержавия, но против его формы. Нельзя полностью отрицать и наличие у Голицына наброска политического плана, который он стал разрабатывать после составления «Пунктов», но позже оставил в пользу менее радикальных проектов, возможно, не встретив ни поддержки у своих коллег по Совету, ни «запроса» у шляхетской «общественности». Интерес Голицына к государственным учреждениям Швеции широко известен. Г.А. Протасов ссылается на отсутствие сведений о его «плане» у других дипломатов и оппозиции, но они не имели информации и о «Способах», что не помешало Протасову приписать их ВТС.

Постановка вопроса о существовании у инициатора «Кондиций» дополнительного политического плана представляется тем более закономерной, что историки достаточно единодушны во мнении, что верховники или изначально не хотели, или не смогли остановиться на «Пунктах». Как далеко собирались идти их авторы? Имеющиеся источники не позволяют ответить на вопрос однозначно, но, как представляется, верховники изначально понимали невозможность остановиться на «Кондициях». Во-первых, по своему содержанию они были слишком фрагментарными, нуждались в дополнении и разъяснении. Во-вторых, думается, политическая невозможность ограничиться ими не могла не осознаваться собравшимися в ВТС крупнейшими государственными и военными деятелями империи. Сложившееся представление о Совете 1730 г. как представительстве двух влиятельных семей (Долгоруких и Голицыных) является упрощенным. В состав русского генералитета (военного и статского) в 1730 г. входило четверо находившихся на службе лиц первого ранга (канцлер Г.И. Головкин,

фельдмаршалы М.М. Голицын, В.В. Долгорукий и И.Ю. Трубецкой). Ко второму классу статской службы (действительные тайные советники) принадлежали Д.М. Голицын, А.Г. Головкин, В.Л. Долгорукий, А.Г. Долгорукий, М.В. Долгорукий, И.А. Мусин-Пушкин, А.И. Остерман, И.Ф. Ромодановский. Из этого видно, что ВТС фактически включал в свой состав всех природных русских (исключение делалось для Остремана), которые имели военные чины первого ранга и статские чины первого-второго рангов, то есть объединял не столько семьи, сколько высшие чины империи. Реальность была таковой, что среди них оказалось двое Голицыных и четверо Долгоруких. Существовало несколько исключений, но их можно объяснить. И.Ю. Трубецкий получил чин фельдмаршала без военных заслуг. Попав в плен под Нарвой, он затем 18 лет пробыл в Швеции. В состав ВТС также не вошли граф И.А. Мусин-Пушкин, князь И.Ф. Ромодановский и граф А.Г. Головкин. Первые из них к этому времени уже отошли от государственных дел и были больны в 1730 г. В частности, откликаясь на призыв ВТС прийти на собрание 2 февраля, где предполагалось огласить подписанные императрицей «Кондиции», они соответственно оговорились, что это зависит от их самочувствия⁴⁴. А.Г. Головкин же, сын канцлера, находился на дипломатической службе за границей. Наконец, в-третьих, наличие у верховников широких планов косвенно подтвердил Д.М. Голицын, произнесший после провала «затейки» знаменитую фразу: «Пир был готов, а званые не были достойны»⁴⁵.

Список литературы

- Алексеев А.С. Легенда об олигархических тенденциях ВТС в царствование Екатерины I. М., 1896.
- Алексеев А.С. Сильные персоны в ВТС Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898.
- Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2004.
- Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994.
- Богословский М.М. Конституционное движение 1730 г. Пг., 1918.
- Димитин И.И. Верховная власть в России XVIII столетия // Статьи по истории русского права. СПб., 1896.
- Жаринов Д.А. Шляхетское представительство в конституционных проектах 1730 г. // Труды Белорусского государственного университета. 1922. № 2–3.
- Загоскин Н.П. Верховники и шляхетство 1730-го года. СПб., 1881.
- История Правительствующего Сената за двести лет. Т.1. СПб., 1911.
- Карнович Е.П. Замыслы верховников // Отечественные записки. 1872. № 3.
- Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 книгах. Кн. 3. М., 1993.

⁴⁴ См.: Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января — 25 февраля 1730 г.: события, люди, документы. М., 2010. С.161.

⁴⁵ Голицын процитировал евангельскую притчу. См.: Мф. 22.

Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2 книгах. Кн. 2. М., 1994.

Кузьмин А.Г. Первые попытки ограничения самодержавия в России // Советское государство и право. 1980. № 7.

Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1981.

Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января — 25 февраля 1730 г.: события, люди, документы. М., 2010.

Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т.1. Конституционное право. СПб., 1913.

Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.) СПб., 1899.

Любавский М.К. Русская история XVII—XVIII вв. СПб., 2002.

Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм. М., 1997.

Милюков П.Н. Верховники и шляхтество. Ростов-на-Дону, 1905.

Осокин Н. Полтораста лет назад. СПб., 1881

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993.

Плотников А.Б. Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году (итоги источниковедческого изучения) // Отечественная история. 2008. № 6.

Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 1. М., 1966.

Протасов Г.А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Тамбовский государственный педагогический институт. Ученые записки. Вып. XV. Тамбов, 1957.

Протасов Г.А. Существовал ли «политический план» Д.М.Голицына? // Источниковедческие работы. Вып. 3. Тамбов, 1973.

Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). 2-е изд. Т. 7. Старый порядок (господство дворянства). Л.; М., 1928.

Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч.1. Киев, 1886.

Сахаров А.Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М., 2000.

Седов С.А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 8.

Сергеевич В.И. Лекции по истории русского права. СПБ., 1890.

Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 10. М., 1999.

Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны. Ч. 1. М., 1909.

Три века. Россия от Смуты до нашего времени: В 6 т. Т. 3. М., 1992.

Тургенев Н.А. Россия и русские. М., 2001.

Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев, 1914.

Юхт А.И. Государственная деятельность Татищева. М., 1985.